

«С постылым назло мне пошла под венец»:
мотив свадьбы возлюбленной
в некоторых городских романсах

Ульяна А. Петухова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, petuhovauljana@rambler.ru*

Аннотация. В статье анализируются городские романсы, объединенные мотивом, который условно можно назвать «свадьба возлюбленной»: герой присутствует на венчании его возлюбленной с соперником (или девушка видит женитьбу любимого). В центре исследования – популярный романс «Ах, зачем эта ночь», сюжет которого за столетний период существования наиболее разработан. Другие популярные песни – «В лунном сиянии снег серебрится», «Зачем ты, безумная, губишь», «Над серебряной рекой», «Она, как статуя, стояла». Сравнение грамзаписей, публикаций в песенниках, полевых записей этих песен показывает, что сюжеты, построенные на основе общего центрального (или ядерного) мотива, несмотря на стилистические особенности и различающееся описание экспозиции, в разных песнях реализуются схожим образом: обладают общей, инвариантной сюжетной схемой, имеют тенденцию к сокращению лирической части (описаний ламентаций героя) и к увеличению лиро-эпической (трагического финала). Наличие общих мотивов позволяет контактировать песни внутри анализируемой группы романсов и вне ее, но, за редкими исключениями, не выходя за пределы инвариантного сюжета. В песнях совмещаются две мотивировки свадьбы, которые соответствуют двум точкам зрения на ситуацию: «насильное замужество» и измена.

Ключевые слова: городской романс, фольклорный мотив, интертекстуальность

Для цитирования: Петухова У.А. «С постылым назло мне пошла под венец»: мотив свадьбы возлюбленной в некоторых городских романсах // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 6. С. 81–98. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-6-81-98

“S postylym nazlo mne poshla pod venets”
 [She went down the aisle with someone
 she didn’t love just to spite me].
 The motif of the wedding of the beloved
 in some urban romances

Ul’yana A. Petukhova

*Russian State University for the Humanities,
 Moscow, Russia, petuhovauljana@rambler.ru*

Abstract. The article analyzes urban romances united by a motif that can be conditionally called “sweetheart’s wedding”: the character is present at the wedding of his beloved with a rival (or the girl sees the marriage of a loved one). The center of interest is the popular romance “Ah, zachem eta noch” (“Oh, why this night”), the plot of which has been most developed over the century of its existence. Other popular songs are “V lunnom siyanii sneg serebritsya” (“The snow turns silver in the moonlight”), “Zachem ty, bezumnaya, gubish” (“Why are you ruining, crazy”), “Nad serebryanoi rekoi” (“Over the silver river”), “Ona, kak statuya, stoyala” (“She stood like a statue”). A comparison of recordings, publications in songbooks, and field recordings of these songs shows that plots based on a common central (or nuclear) motif, despite stylistic features and differing descriptions of the exposition, are implemented in a similar way in different songs: they have an invariant plot scheme, and tend to reduce the lyrical part (descriptions of the character’s lamentations) and to increase the lyric epic (tragic ending). The presence of common motifs makes it possible to contaminate songs within and outside the analyzed group of romances, but, with rare exceptions, without going beyond the invariant plot. The songs combine two wedding motivations, which correspond to two points of view on the situation: “forced marriage” and betrayal.

Keywords: urban romance, folklore motif, intertextuality

For citation: Petukhova, U.A. (2025), “ ‘S postylym nazlo mne poshla pod venets’ [She went down the aisle with someone she didn’t love just to spite me]. The motif of the wedding of the beloved in some urban romances”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 6, pp. 81–98, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-6-81-98

Основной предмет изображения в романсах – взаимоотношения между мужчиной и женщиной. Описываются свидания, встречи и расставания, измены, ревность, убийства и самоубийства. Нередко в центре повествования оказывается так называемый любовный треугольник, когда любовные отношения существуют

между тремя людьми. Особая группа таких песен объединена мотивом, который условно можно назвать «свадьбой возлюбленной»: герой видит, как возлюбленная венчается с его соперником (реже наоборот – девушка видит женитьбу любимого). Этот мотив встречается в популярных романах конца XIX – начала XX в.: «В лунном сиянии снег серебрится», «Зачем ты, безумная, губишь» (известная также как «У церкви стояла карета»), «Ах, зачем эта ночь», «Над серебряной рекой» и в менее распространенных «Она, как статуя, стояла», «На паперти народ толпился», «Подул, подул холодный ветер». Из этого перечня выделяется песня «Ах, зачем эта ночь» – она не только одна из популярнейших¹, но и сюжет ее наиболее разработан, включает в себя контаминации с песнями и новые мотивы. Поэтому этот романс в центре изучения, а другие используются для сопоставления.

Инвариантную сюжетную схему можно описать следующим образом:

- 1) экспозиция;
- 2) причины свадьбы;
- 3) ламентация героя/героини;
- 4) разрешение ситуации.

Эту схему можно было бы свести и к двум пунктам, которые, как показано в исследовании С.Б. Адоньевой и Н.М. Герасимовой, являются основными в морфологической структуре современной баллады и жестокого романса: «негативное воздействие в отноше-

¹ Песня «Ах, зачем эта ночь...» – один из популярных романсов конца XIX – начала XX в. О его авторе поднимался вопрос уже в первые годы распространения: на нотных листах романс обозначался либо как «цыганский», либо за авторством Н.А. Фонтъ-Риттера с музыкой в аранжировке Бакалейникова. В.Е. Гусев называет автором А.М. Давыдова, о биографии которого ничего неизвестно. В репертуарных указателях, в которых публиковался список разрешенных и запрещенных к исполнению на сцене произведений, в том числе и вокальных, в 1931 г. в графах об авторе текста и композиторе стоят прочерки. Это и неудивительно – песню стали записывать на пластинки, издавали нотные листы, песенники, литографии. По мемуарам, романс пели в 1906 г.; а В. Маяковский отмечает бытование песни в парках: «Оркестр играет: “Ах, зачем эта ночь так была хороша”». В 1916 г. вышел художественный фильм «Ах, зачем эта ночь так была хороша», в котором частично проявляется сюжет романса: в картине изображается сюжет о влюбленных, которые не могут быть вместе, девушку отдают замуж за нелюбимого, а ее возлюбленный кончает с собой. Переосмысление романса происходит в кинофильме «Калина красная» (1973 г., реж. В.М. Шукшин), где герой Егор Прокудин поет эту песню.

нии героя (данное как объективное описание либо представленное как его переживание) и разрешение ситуации», которое почти всегда трагично [Адоньева, Герасимова 1996, с. 345]. Чтобы разобраться, как схема С.Б. Адоньевой и Н.М. Герасимовой может реализовываться в конкретных сюжетах, полезно рассматривать каждую группу текстов отдельно. Анализу такой группы, объединенной вокруг центрального (ядерного или сюжетообразующего) мотива, и посвящена настоящая публикация.

Для исследования были собраны расшифровки грамзаписей, любительских видеозаписей с исполнением песен, размещенных в видеохостингах, печатные песенники и нотные листы, опубликованные полевые записи.

Экспозиция

Песня начинается с воспоминания о ночном свидании:

Ах, зачем эта ночь,
Так была хороша...

Эта строфа есть в каждой из 61 версии. Одно из первых новообразований в грамзаписях – более развернутое описание свидания, романтического антуража:

В темной чаще ветвей
Соловей громко пел.
Я с любовью тогда
В твои очи глядел!²

Здесь собраны основные образы такого рода лирических³ романсов: ветви деревьев/кустарников, соловей, очи встречаются в большом числе романсовой лирики и в некоторых более ранних, традиционных песнях при описании свидания (например, в по-

² Ахъ зачемъ эта ночь / Исп. хоръ Горшкова. Москва. Сирена-Рекордъ. 1910 // russian-records.com. URL: https://russian-records.com/details.php?image_id=6697 (дата обращения 05.10.2024).

³ Лирическими романсами называют песни, предназначенные для домашнего музицирования «средних городских слоев», противопоставляются лиро-эпическим, романсам-балладам, которые обитают на городской улице и в деревне [Петровский 2005, с. 22]. В одном тексте могут сочетаться элементы одного и другого.

пулярном романсе «Белой акации гроздь душистые» – соловей, ветви, луна [Петухова 2024, с. 49–51]). С обширного описания экспозиции начинается романс «В лунном сиянии»: звук колокольчиков на тройке лошадей напоминает герою о ночном свидании с возлюбленной:

Лунною ночью
Снег серебрится,
Вдоль по дороженьке
Трочка мчится.

Динь-динь-динь, динь-динь-динь,
Колокольчик звенит...
Этот звон, этот звук
Много мне говорит.

В лунном сиянье
Ранней весною
Вспомнились встречи,
Друг мой, с тобою...
(Мордерер, Петровский 2005, с. 194–195)

Этот, как и предыдущий вариант экспозиции, не нов – можно вспомнить хотя бы романс на стихи И.С. Тургенева «В дороге» («Утро туманное, утро седое»), многочисленные песни про думы ямщика в дороге (например, «Вот мчится тройка удалая», «Гремит звонок, и тройка мчится»).

Песня «Над серебряной рекой» начинается с того, что герой ищет следы девушки у реки. Эта песня более раннего происхождения, чем описанные выше⁴, и сохраняет некоторые образы и метафоры традиционной песни: серебряная река, золотой песочек, молодая дева, конь. Можно приводить в пример множество традиционных песен:

Какъ по крутому по красному по бережку,
Что по желтому сыпучему песочку,
Какъ ходила тутъ, гуляла красна дѣвица...
(Соболевский 1895, с. 198)

⁴ Автор стихотворения – Ф.Н. Глинка. Название «Заваянные следы», 1826 г. Изначально только 3 строфы, в которых описывается поиски следочков, их исчезновение, которое является знаком венчания девицы, с которой венчается другой (Песни и романсы русских поэтов 1965, с. 338–339).

Стилистическая связь с традиционной лирикой неслучайна: текст «Над серебряной рекой» написан в начале XIX в. Ф.Н. Глинкой, который, как и А.Ф. Мерзляков, А.А. Дельвиг, Н.Г. Цыганов, А.В. Кольцов, был одним из создателей жанра «русской песни», которую В.Е. Гусев характеризует как «результат сознательного и намеренного обращения к национальной народной поэзии» [Гусев 1965, с. 21]. Эти стихотворения композиторы клали на несложный аккомпанемент. Многие песни уходили в народ и продолжали исполняться как фольклорные произведения – текст терял авторство и изменялся (напр., «Не слышно шуму городского» Ф.Н. Глинки, «Вечерний звон» И.И. Козлова, «Песнь грека» Д.В. Веневитинова).

Цель экспозиции, таким образом, – определить роль героя в сцене свадьбы и показать причину его страданий, ламентаций и трагического конца.

Причины свадьбы

Причины свадьбы в условиях «любовного треугольника» в рассматриваемых романсах может быть две: неравный брак или измена, т. е. либо девушку отдают замуж насильно, либо героиня самостоятельно делает выбор в пользу одного или другого возлюбленного. Как правило, эксплицитно представлена либо одна, либо другая мотивировка⁵, но имплицитно осознаются обе, что периодически проявляется в некоторых новых строфах. На этом фоне качественно отличается песня «Ах, зачем эта ночь»: здесь соединяются сразу две мотивировки в одной строфе: неравный брак (свадьба «с постылым») и свадьба «назло мне»:

Не понравился ей
Моей жизни конец
И с постылым назло
Мне пошла под венец.

Местоимение *мне* в некоторых вариантах заменяется на частицу *не* главным образом из-за того, что анжамбеман, который может быть художественным средством в поэзии, в песне сложно воспроизвести (см. замену анжамбемана в песне литературного происхождения «Окрасился месяц багрянцем» [Кузнецова 2024,

⁵ Слово «мотивировка» здесь и далее употребляется как синоним слова «причина», но и не противоречит понятию «мотива».

с. 61]). При этом, казалось бы, должно меняться значение на противоположное – *не пошла под венец* – но этого не происходит.

Такая неоднозначная мотивировка замужества с точки зрения героя, участника этого «любовного треугольника», проявляется во всех версиях песни. Они не только проговариваются в двух приведенных строках, но разворачиваются в ламентациях героя: первая позиция (неравный брак) – в одном из наиболее устойчивых компонентов песни: *Каково будет ей / Без милого жить век?* (вариант – *Без любимых друзей*⁶). Вторая позиция прямо не выражается, а потому более свободная для интерпретации, наилучшим образом проявляется в позднем привнесении – герой кончает с собой (см. об этом далее).

В песне «Зачем ты, безумная, губишь» не проговаривается мотив измены за исключением ламентаций героя в первых трех строках, благодаря которым можно судить о наличии «любовного треугольника» и особого рода «пассивной измены» (*Зачем ты, безумная, губишь / Того, кто увлекся тобой...*), но разворачивается описание несчастной невесты, насильно выданной замуж:

Невеста была в белом платье,
Букет был приколот из роз.
Она на святое распяты
Тоскливо глядела сквозь слёз.

Когда ей священник на палец
Надел золотое кольцо,
Я видел, что бледный румянец
Покрыв ей младое лицо.

Из глаз ее горькие слезы
Ручьем по лицу потекли.
Завяли прекрасные розы,
Напрасно их так берегли
(Жесткие романсы 2017, с. 125–126).

Тем не менее С.Б. Адоньева и Н.М. Герасимова в обоих вариантах этой песни, которые приводятся в сборнике «Современная баллада и жестокий романс», выделяют обе морфологические единицы – и «насильное замужество», и «измену/предательство»

⁶ Василий Бутров (Москва) – «Ах, зачем эта ночь» // YouTube. URL: <https://youtu.be/UyABvHA4NII?si=fNt9Gp4kJleVxHch> (дата обращения 02.01.2025).

[Адоньева, Герасимова 1996, с. 366–369]. Подтверждением такой позиции может быть интересная версия, которая интерпретируется как «русская народная свадебная песня» и исполняется во время свадьбы:

А, невеста стоит в белым(ы) платие
С распущина рус(ы)ай, та касой
С распущина рус(ы)ай, та косой

Она малилась святым(ы) всем(ы) иконам
Малилась а с(ы)частье ж, та сваём(ы)
Малилась а с(ы)счастье ж, та сваём(ы)

Но может я счастлива буду
Быть может и я счастье ж, та нашла
Быть может и я счастье ж, та нашла

Любимому я изменила
За богатаво а замуш(ы) я пош(ы)ла
За богатаво а замуш(ы) я пош(ы)ла⁷.

Две мотивировки есть в песне «Над серебряной рекой». Кроме описания причин венчания здесь объясняется, как герой узнал о свадьбе: он видит предвестие в колыпании реки или слышит звон колокола⁸ [Рычкова 2016, с. 245–246]. В этой песне в некоторых вариантах героиню эксплицитно называют изменницей, но слова *Вижу: милую мою / Водят вокруг налою* (Романсовая лирика Удмуртии 2000, с. 493) можно интерпретировать и как «насильное замужество» из-за лишения героини агентности. Те же слова повторяются в песне «Она, как статуя, стояла», где описывается первый вариант мотивировки:

⁷ Русская народная свадебная песня «Зачем, ты, безумная, губишь!» // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=z9eqaq2l27c&list=PLxYRyC9mYqGVbmAWuuXLUZGQVtZYZ52s3&index=60> (дата обращения 04.01.2025).

⁸ Предсказания несчастья часто встречаются в песнях, где рассказ ведется от лица героини, а предсказателем является цыганка. В связи с любовным треугольником можно назвать несколько песен со схожим сюжетом: «Пишу письмо и жду ответа», «Подул, подул холодный ветер», «Пойду к цыганке погадаю» – цыганка говорит девушке о том, что ее милый венчается с другой, предсказание сбывается, героиня горюет.

Обряд венчальный совершился,
Здесь гибнет счастье и любовь.
И вот «Исаия» запели
И вокруг наложь повели...
(Кулагина, Селиванов 1999, с. 191–192)

В песне «В лунном сиянии» не дается эмоциональная оценка ситуации со стороны героя, описывается только то, что возлюбленная вышла замуж за соперника:

Динь-динь-динь, динь-динь-динь,
Звон бокалов звенит...
С молодою женой
Мой соперник стоит!
(Мордерер, Петровский 2005, с. 194–195)

В итоге во всех песнях есть констатация факта, что любимая вышла замуж за соперника, но объяснение причин может отличаться в разных песнях и в вариантах – от совмещения нескольких мотивировок до практически безэмоционального описания сцены (как в песне «В лунном сиянии»). Это возможно из-за монтажа двух точек зрения: объективного описания венчания и субъективной оценки ситуации героем [Адоньева, Герасимова 1996, с. 359–360]. Взгляд на причины сцены может изменяться несколько раз, выражаться через новые строки и мотивы, в том числе в ламентациях героя.

Ламентации героя/героини

Ламентации героя/героини – описание от первого или от третьего лица переживаний героя, жалоб на свою судьбу – формируют эмоциональный фон прежде всего бытовых романсов. Один из ярких примеров таких ламентаций в песне «Очи черные»: *вы сгубили меня, очи черные; не видал бы вас, не страдал бы так*. В лиро-эпических песнях такие ламентации героя пронизывают весь текст и концентрируются в некоторых строфах.

С ламентаций начинается романс «Зачем ты, безумная, губишь»:

Зачѣмъ ты, безумная, губишь
Того, кто увлекся тобой.
Ужели меня ты не любишь,
Не любишь? Такъ Богъ же съ тобой!

Зачѣмъ ты меня завлекала,
Зачѣмъ заставляла любить?
Должно быть, тогда ты не знала,
Какъ тяжело любви измѣнить!

Меня не полюбить другая,
Я буду мечтать объ одной.
Повѣрь же, моя дорогая,
Навѣкъ я увлекся тобой.

Некоторые граммофонные записи состоят исключительно из куплетов ламентаций героя. В комментариях на портале russian-records.com, где собрана большая база граммофонных записей, есть объяснение этого: «Дело в том, что сейчас не исполняют первую часть песни, а раньше не могли записать вторую ввиду ограниченного времени звучания диска»⁹. С этим, однако, справлялись, ускоряя темп музыки, чтобы поместить большее число куплетов в ограниченное время.

В современных же любительских исполнениях, наоборот, первую часть не поют: из выбранных случайным образом¹⁰ самозаписей, выложенных в сети, только 2 из 23 имеют начало¹¹. Н.Н. Рычкова предполагает, что распространение сокращенной версии связано с авторитетными исполнениями, где песня поется в таком виде. Действительно, популярные артисты (Н. Кадышева, Ж. Бичевская, О. Погудин) исполняют сокращенную версию. В результате сокращения сюжет ограничивается насильным замужеством, а о «любовном треугольнике» можем только догадываться¹².

Напротив, «лирикализация» происходит в современных профессиональных и любительских исполнениях. Прежде всего – в «женской» версии романса Е. Шавриной, где расширен лирический компонент, можно даже сказать, мелодраматизм:

⁹ Зачем ты безумная губишь? // russian-records [сайт]. URL: https://russian-records.com/details.php?image_id=7434 (дата обращения 13.12.2024).

¹⁰ Преимущественно несценических исполнений, записей в ситуации, близкой к интервью.

¹¹ При том, что поиск производился и по строке «Зачем ты, безумная, губишь», и «У церкви стояла карета».

¹² В.Я. Мордерер и М.С. Петровский в качестве развития этого романса в тюремном фольклоре отмечают песню «Раскаяние» («Зачем ты, безумный, воруюшь»), где герой жалуется, что должен сидеть за решеткой и не может видиться с любимой (Мордерер, Петровский 2005, с. 304–305, 367).

Почернело вокруг,
Нет тебя, голубь мой,
Улетел, изменил,
Ночь проводишь с другой.
Ах, как сердце болит,
Как туманится взгляд.
Я молюсь и молюсь,
Не воротишь назад.
<...>
Я любви не стыжусь,
Умираю, любя.
Не забудь эту ночь,
Заклинаю тебя.
Счастье быстро прошло,
Ковылем поросло.
И боли, не боли,
Не воротишь его.

Л. Олсон и С. Адоньева связывают притягательность мелодрамы для женщин с «удовольствием, властью и ностальгией»: «песни позволяют женщинам идентифицироваться с проблемами героинь и переживать чувство морального превосходства, осуждая “злодеек”» [Олсон, Адоньева 2016, с. 165]. Несмотря на то что описания страданий очень интересны слушателям и исполнителям песен (как показано в следующем разделе), этот текст Е. Шавриной не встречается в любительских исполнениях.

Новая строфа с ламентациями есть и в «мужской» версии, стилистически пересекается с текстом Е. Шавриной, но довольно редко появляется в последующих записях (в 1 из 21 самозаписи):

Всей душой отдался,
Лишь ею жил,
Целовал-миловал
И безумно любил.

Можно сделать вывод, что ламентации неинтересны исполнителям, а потому выходят из активного бытования. Напротив же, трагический финал вызывает интерес.

Разрешение ситуации

В большинстве песен с мотивом «свадьба возлюбленной» о судьбе героя или не говорится, он уходит в «камерку тайком», «вслед за

толпой». В виде исключения может быть оптимистичный финал: *Я мальчишка молодой, / Я найду другую*, – говорит герой в конце песни «Над серебряной рекой» (Романсовая лирика Удмуртии 2000, с. 495). Иная ситуация в песне «Пойду к цыганке погадаю», где обманутая героиня хочет отравиться. Как известно, в романсах герои часто совершают самоубийства из-за несчастной любви. Песни, которые в первых версиях заканчивались благополучно, могут приобретать элементы «жестокоего романа». Такое «ожесточение» романа можно проследить на примере различных песен XX в.; песня может дополняться, например в некоторых вариантах песни «Три красавицы небес» добавляется мотив самоубийства героини от несчастной любви (Современная баллада 1996, с. 320), может переделываться («На позицию девушка провожала бойца» и «Ковыляй потихонечку»), может появиться продолжение песни (пример тому – песня «Под окном черемуха колышется» и развитие истории – «За окном осенняя распутица», кончающаяся утоплением героини вместе с ребенком). М.С. Петровский считает, что «чем ниже спускается романс по социальной лестнице, тем больше он приближается к лиро-эпическому строю, тем сильнее в нем фольклорные и мифопоэтические элементы» [Петровский 2005, с. 22]. М.В. Строганов тоже отмечает, что «там, где можно, народ доводит потенциальную проблематику до трагической безысходности» [Строганов 2016, с. 192].

В этом отношении интересна песня «Ах, зачем эта ночь». Уже в литографиях начала XX в., в песеннике 1913 г., печатается увеличенный текст песни, в котором появляется мотив самоубийства героя как в тексте, так и на иллюстрациях (на обложке и на литографии, где герой изображается у обрыва):

И рѣшилъ я тогда
Жизнь покончить съ собой,
Вышелъ на берегъ я,
Небосклонъ голубой¹³.

Эта строфа встречается в грамзаписях (1912, 1913, 1917, 1926 гг. выпуска), бытование новой строфы можно видеть в архивных записях 1970-х гг. Более того, мотив самоубийства расширяется – новая строфа из песни «Меж крутых бережков» исполняется на грамзаписях (1917 и 1926 гг., Нью-Йорк) и обнаруживается в полевых исследованиях (Комелина 2014, с. 780–781):

Волга в волны свои
Молодца приняла.

По волнам, по воде
Одна шапка плыла¹⁴.

Обе песни объединяет мотив соперничества за возлюбленную и гибель в реке. В полевых записях 1996 г. впервые появляется новый вариант самоубийства – от сабли:

Я ее ждал, я ее ждал,
Но она не пришла.
Я вынул саблю свою
И зарезал себя
(Жесткие романсы 2017, с. 54–55).

Впоследствии в любительских исполнениях, опубликованных на видеохостингах, сочетаются сразу два средства самоубийства – от кинжала на берегу:

И решил я тогда
Жизнь покончить свою,
Вышел на берег я,
Над рекою стою.
Вынул острый кинжал
И пронзил себя в грудь.
Пусть невеста моя
Похоронит мой труп¹⁵.

В одной записи мотив самоубийства дополняется строфами, в которых описываются похороны незамужней девушки в уборе невесты:

Нарядите меня,
Как невесту к венцу,
Положите меня
В металлический гроб.

¹³ Ах зачем эта ночь <Изоматериал>: Песня: Ах! зачем эта ночь так была хороша, не болела бы грудь, не томила душа...: лубок. М.: Хромо-литография И.А. Морозова, 190. <1> л. : хромолитогр.; 26,1 x 38,8 (изобр.); 31 x 42 (л.) см.

¹⁴ Jakov Medvedieff. Ахъ зачѣмъ эта ночь / Нью-Йорк. Columbia (золотая лента). 1917 // russian-records.com. URL: https://russian-records.com/details.php?image_id=68019 (дата обращения 05.10.2024).

¹⁵ Ах была эта ночь // Youtube [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=H1PGVuJbdJ8> (дата обращения 13.12.2024).

И несите меня
 Мимо дому ее.
 Пусть откроет окно
 И увидит меня¹⁶
 (Романсовая лирика Удмуртии 2000, с. 404–406).

Мотив самоубийства есть в 9 из 21 современных исполнений и в 16 из общего числа анализируемых вариантов «Ах, зачем эта ночь» (61). Как и сокращение песни «Зачем ты, безумная, губишь», можно сделать предположение о влиянии профессиональных исполнений, в большинстве которых есть мотив самоубийства (Ю. Щербаков, Л. Николаева, Е. Фролова, П. Налич).

Межтекстовые корреляции

Интертекстуальные параллели между песнями строятся на основе наличия общего набора мотивов. Как показано выше, корреляции могут возникать на основе мотива соперничества и смерти около реки. Могут соединяться тексты, включающие мотив «свадьбы возлюбленной». Например, в некоторых вариантах ромansa «Ах, зачем эта ночь» есть строки из песни «Над серебряной рекой» (Жестокие романсы 2017, с. 54–55) и «Зачем ты, безумная, губишь» (Романсовая лирика Удмуртии 2000, с. 403–404). В результате в песнях не появляются содержательных компонентов, которые не соответствовали бы сюжетной схеме (может, за исключением описанной ранее контаминации с песней «Подружки мои, вы придите ко мне»). Несмотря на это, внутри инвариантной схемы происходят заимствования, перестановки, дополнения, что позволяет говорить о «слабосвязанной» структуре текста¹⁷

¹⁶ Ср.:

Подружки мои, вы придите ко мне,
 Вы придите ко мне на единый часок,
 Уберите меня как невесту к венцу,
 А на крышку, на гроб вы сплетите венки.
 Вы сплетите венок из персидских цветов
 И несите меня мимо дома яво.
 И неужели яво мать не откроет окно?
 И неужели милый мой не простится со мной?
 (Жестокие романсы 2017, с. 52–53)

¹⁷ Допускается изменение порядка строк, заимствование фрагментов других текстов в противовес «сильносвязанной» (с жестким порядком мотивов) [Рычкова 2015].

внутри единой и устойчивой [Рычкова 2015]. Начальная строка *Эх, зачем эта ночь так была хороша* становится основой для новой песни. В сборнике «Романсовая лирика Удмуртии» помещены несколько вариантов, которые начинаются с этих слов и называются составителями «народной песней по мотивам стихотворения Давыдова» (Романсовая лирика Удмуртии 2000, с. 409). Объединяет романс и эту песню только одинаковая первая строка (а вторая – *В небе ясном заря догорала* отсылает к песне «Там вдали, за рекой»). Сюжет совершенно иной: девушка из-за ревности своего милого хочет уйти в монастырь, где ее полюбит монах. Как видно, ничего общего с изучаемым романсом в сюжете песни нет, поэтому ее сложно назвать «по мотивам» – это новая песня.

Не будем останавливаться на том, как реализуется мотив в других жанрах. Отметим только, что в указателе сюжетов восточнославянских баллад Ю.И. Смирнова [Смирнов 1988] подобный сюжет не описан. Можно вспомнить мотив СУС¹⁸ 874 «Муж на свадьбе жены», хрестоматийным примером которого является «Одиссея». Но очевидно, что если его и можно сопоставить с описываемым нами, то лишь отдаленно: в наших песнях муж не странствует по чужбине (по крайней мере, такого мотива нет в романсах), жена не вынуждена избрать нового супруга, а свадьба происходит по другим причинам, описанным выше, да и финал совершенно другой – несчастный жених в романсах не открывается своей возлюбленной, которая идет под венец, а страдает сам. Что же касается романсов более позднего сочинения, чем исследуемые, то появление мотива венчания практически невозможно из-за изменившегося отношения советской власти к церкви, но и столь же популярной песни с аналогичным мотивом свадьбы не появляется.

Заключение

Песни, объединенные центральным мотивом свадьбы возлюбленной, имеют общую инвариантную сюжетную схему, части которой могут сокращаться, расширяться, утрачиваться, переставляться. Сокращение относится прежде всего к лирическому компоненту песни, расширение – к трагическому финалу романса; перестановки связаны с ламентациями героя, которые пронизывают весь текст песни, концентрируясь в некоторых строфах в начале

¹⁸ Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 437 с.

или в середине романа. Таким образом, варьирование текстов осуществляется при сокращении лирического компонента и увеличении лиро-эпического, в отдельных случаях – с расширением мелодраматического дискурса.

Центральный мотив – свадьба возлюбленной – имеет два варианта мотивировки: измена или неравный брак, которые монтируются в тексте вместе и отражают субъективный и объективный взгляд на ситуацию. Наличие общих мотивов становится главной причиной возникновения контаминаций с другими песнями.

Сравнение песен разного периода показывает, как один сюжет описывается через образы традиционной песни, другой – в городской среде через мотивы бытового романа. На бытование той или иной версии текста оказывают влияние авторитетные источники: дешевые, массовые песенники, записи популярных артистов, использование в кинофильмах.

Источники

- Жестокие романсы 2017 – Жестокие романсы / сост. Е.В. Павлова, М.В. Строганов; предисл. и коммент. М.В. Строганова. Тверь: СФК-офис, 2017. 356 с.
- Комелина 2014 – *Комелина Н.Г.* Запрещенные песни: к истории социологического изучения городского фольклора в 1920-е гг. (Песни и записи Л.В. Домановского из фольклорного собрания РО ИРЛИ) // Из истории русской фольклористики. Вып. 9. СПб.: Наука, 2014. С. 762–808.
- Кулагина, Селиванов 1999 – Городские песни, баллады, романсы / сост. А.В. Кулагина, Ф.М. Селиванов. М.: МГУ, 1999. 578 с.
- Мордерер, Петровский 2005 – Ах романс, эх романс, ох романс: Русский романс на рубеже веков / сост. В.Я. Мордерер, М.С. Петровский. СПб.: Герань, 2005. 385 с.
- Песни и романсы русских поэтов 1965 – Песни и романсы русских поэтов / вступ. статья [с. 5–48], подгот. текста и примеч. В.Е. Гусева. М.; Л.: Советский писатель, 1965. 1119 с.
- Романсовая лирика Удмуртии 2000 – Романсовая лирика Удмуртии / ред.-сост. Э.А. Тамаркина. Вып. 1: Русский фольклор в XX в. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2000. 856 с.
- Соболевский 1895 – *Соболевский А.И.* Великорусские народные песни / изд. проф. А.И. Соболевским. СПб.: Гос. тип., 1895. Т. 1. 628 с.
- Современная баллада 1996 – Современная баллада и жестокий романс / сост. и вступ. ст. С.Б. Адоньева, Н.М. Герасимова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. 416 с.

Литература

- Адоньева, Герасимова 1996 – Адоньева С.Б., Герасимова Н.М. «Никто меня не пожалеет...»: Баллада и романс как феномен фольклорной культуры нового времени // Современная баллада и жестокий романс / сост. С.Б. Адоньева, Н.М. Герасимова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. С. 338–364.
- Гусев 1965 – Гусев В.Е. Песни и романсы русских поэтов: вступ. статья // Песни и романсы русских поэтов. М.; Л.: Советский писатель, 1965. С. 5–48.
- Кузнецова 2024 – Кузнецова М.М. «Окрасился месяц багрянцем»: литературный текст в устной традиции // Folkloristika: Časopis udruženja folklorista Srbije. 2024. № 2 (9). S. 59–72.
- Олсон, Адоньева 2016 – Олсон Л., Адоньева С. Традиция, трансгрессия, компромисс: миры русской деревенской женщины. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 434 с.
- Петровский 2005 – Петровский М.С. Скромное обаяние кича, или Что есть русский романс // Ах романс, эх романс, ох романс: Русский романс на рубеже веков / сост. В.Я. Мордерер, М.С. Петровский. СПб.: Герань, 2005. С. 5–74.
- Петухова 2024 – Петухова У.А. «Белой акации гроздьа душистые»: социально-исторический контекст песни // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 6. С. 46–79.
- Рычкова 2015 – Рычкова Н.Н. Сильносвязанные и слабосвязанные структуры городской песни // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2015. № 6. С. 113–131.
- Рычкова 2016 – Рычкова Н.Н. Городская песня в деревне: функция, структура, сюжет (на примере Хакаско-Минусинской котловины): дис. ... канд. филол. наук. М.: Московский педагогический государственный ун-т, 2016. 293 с.
- Смирнов 1988 – Смирнов Ю.И. Восточнославянские баллады и близкие им формы (Опыт указателя сюжетов и версий). М.: Наука. 1988. 117 с.
- Строганов 2016 – Строганов М.В. Жестокий романс и жанровая типология фольклорных песен индустриального общества // Традиционная культура народов Поволжья: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: В 2 ч. Ч. 2. Казань: Ихлас, 2016. С. 187–196.

References

- Adon'eva, S.B. and Gerasimova, N.M. (1996), “ ‘Nobody will pity me...’ (Ballad and romance as a phenomenon of folklore culture of the new era)”, in Adon'eva, S.B. and Gerasimova, N.M., comp., *Sovremennaya ballada i zhestokii romans* [Modern ballad and violent romance], Izdatel'stvo Ivana Limbakha, Saint Petersburg, Russia, pp. 338–364.
- Gusev, V.E. (1965), “Songs and romances of Russian poets”, in *Pesni i romansy russkikh poetov* [Songs and romances of Russian poets], Sovetskii pisatel', Moscow, Leningrad, USSR, pp. 5–48.

- Kuznetsova, M.M. (2024), “ ‘Okrasil'sya mesyats bagryantsem [The moon got a purple-like shading]: A literary text in oral tradition”, *Folkloristika: Časopis udruženja folklorist Srbije*, vol. 9, no. 2, pp. 59–72.
- Olson, L. and Adon'eva, S. (2016), *Traditsiya, transgressiya, kompromiss: miry russkoi derevenskoi zhenshchiny* [Tradition, transgression, compromise: the worlds of a Russian village woman], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Petrovskii, M.S. (2005), “The modest charm of kitsch, or What is Russian romance”, in Morderer, V.Ya. and Petrovskii, M.S., comp., *Akh romans, ekh romans, okh romans: Russkii romans na rubezhe vekov* [Ah romance, eh romance, oh romance: Russian romance at the turn of the century], Geran', Saint Petersburg, Russia, pp. 5–74.
- Petukhova, U.A. (2024), “ ‘Beloi akatsii grozd'ya dushisty'e' [Fragrant clusters of white acacia]: the social and historical context of the song”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 6, pp. 46–79.
- Rychkova, N.N. (2015), “Strongly-connected and loosely-connected elements of urban folk songs”, in *RSUH/RGGU Bulletin: “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”*, Series, no. 6, pp. 113–131.
- Rychkova, N.N. (2016), *Gorodskaya pesnya v derevne: funktsiya, struktura, syuzhet (na primere Khakassko-Minusinskoi kotloviny)* [Urban song in the village: function, structure, plot: on the example of the Khakass-Minusinsk basin], Ph.D. Thesis (Philology), Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet, Moscow, Russia.
- Smirnov, Yu.I. (1988), *Vostochnoslavjanskije ballady i blizkie im formy (Opyt ukazatelya syuzhetov i versii)* [East Slavic ballads and similar forms (Experience of an index of plots and versions)], Nauka, Moscow, USSR.
- Stroganov, M.V. (2016), “Violent romance and genre typology of folklore songs of an industrial society”, in *Traditsionnaya kul'tura narodov Povolzh'ya: Materialy III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [The traditional culture of the peoples of the Volga region: Proceedings of the 3^d All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation], Ikhlās, Kazan, Russia, pp. 187–196.

Информация об авторе

Ульяна А. Петухова, магистрант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; petuhovauljana@rambler.ru

Information about the author

Ulyana A. Petukhova, master student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; petuhovauljana@rambler.ru